

Научная статья

УДК: 341.9

DOI:10.17323/2072-8166.2024.1.40.67

Универсальность международных стандартов прав человека: необходимая утопия

Максим Александрович Лихачев

Тюменский государственный университет, Россия 625003, Тюмень, Володарского ул., 6, m.a.likhachev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7848-5007>

Аннотация

В настоящей статье обосновывается связь международной концепции прав человека в своем происхождении и содержании с европейской интеллектуальной традицией и историей. Доказывается, что эта особенность не должна препятствовать универсализации таких прав в качестве всеобщего стандарта для государств и обществ с разным социально-политическим и культурно-религиозным опытом. Вопрос об универсальности прав человека вышел за рамки отдельной теоретической проблемы: международные стандарты прав человека претендуют на прямое действие во внутригосударственной сфере, став одним из принципов международного права. В то же время разнообразие государственной политики в этой области ставит вопрос о возможности и уместности универсальных прав человека. При написании статьи использовались классические методы правовых исследований: сравнительного анализа, формально-логический, исторический, а также метод деконструкции (происхождение прав человека), критической школы (оценка характера правового релятивизма и путей его преодоления), постгуманистическая методология (обоснование идеи достоинства жизни и применения прав человека к не-человеческим сущностям). В статье обосновывается, что происхождение современных прав человека связано не только с принятием базовых правозащитных документов, но и опирается на осмысление трагических событий первой половины XX в. Во второй половине XX в. международные правозащитные стандарты стали доминантой эволюции международного права в целом, кардинально влияя на природу последнего и распространяясь как неотъемлемая часть международно-правового дискурса. Объясняется, почему универсальность прав человека — это не столько их описательная характеристика, сколько нормативное притязание, и как дальнейшая универсализация прав человека позволяет их применять для международно-правовой защиты не-человеческих сущностей (юридических лиц, фауны, флоры, природы в целом).

Ключевые слова

права человека; международные стандарты; универсальность; релятивизм; достоинство; права природы; постгуманизм.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00874, <https://rscf.ru/project/23-28-00874/>.

Статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Лихачев М.А. Универсальность международных стандартов прав человека: необходимая утопия // Право. Журнал Высшей школы экономики. Том 17. № 1. С. 40–67. DOI:10.17323/2072-8166.2024.1.40.67

Research article

Universality of International Human Rights Standards: A Necessary Utopia

Maksim A. Likhachev

Tyumen State University, 6 Volodarskogo Str., Tyumen 625003, Russia, m.a.likhachev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7848-5007>

Abstract

The article expounds how the international doctrine of human rights originated historically and substantially from the European intellectual traditions; nonetheless the origins of the doctrine do not impede the universalization of human rights as worldwide general standards for states and societies of different social, political, cultural, and religious types. The problem of the universality of human rights goes far beyond doctrinal issues: international human rights pretend to regulate internal relations and interstate interactions as a principle of international law, but the variety of political systems question drastically the possibility and appropriateness of such a universality. For the research the following method were employed: comparative and formal legal analysis, historical studies, deconstruction, critical approaches in law, posthumanistic apparatus. The author argues that the invention and development of the universal human rights relate both to the adoption of the fundamental legal documents and the apprehension of the tragedies of the world wars and totalitarianism. During the UN period the international human rights standards dominated the dynamics of the international law and significantly influenced its stricture and substance. For conclusion the author puts that the universality of human rights is not their descriptive feature but a normative claim. The latter is strengthened by instrumentalization of human rights as a general form of international legal discourse. Being such a form human rights are attributed to non-human beings to ensure their international legal protection — to artificial legal persons, fauna, flora, nature as a whole.

Keywords

human rights; international standards; universality; relativism; dignity; rights of nature; posthumanism.

Acknowledgments: The research was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-00874, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00874/>.

The paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Likhachev M.A. (2024) Universality of International Human Rights Standards: A Necessary of Utopia. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 1, pp. 40–67 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2024.1.40.67

Введение

Возможны ли универсальные права человека? По меньшей мере они необходимы. У глобализированного мира при всей неоднозначности этого феномена нет иного пути, кроме установления общих правозащитных стандартов и их компромиссного, но неуклонно-последовательного претворения. Как писал Г. Кельзен, «именно к человеку обращены нормы международного права, именно против человека направлены его запреты, именно ради человека право озабочено созданием порядка» [Kelsen H., 1932: 142–143].

Права человека, будучи исконно порождением европейской философской и правовой мысли и продуктом европейской политической практики, получили международно-правовое признание на универсальном уровне в XX в. Именно такие идеи заложены в основание правозащитной системы ООН и продолжают направлять ее деятельность. Такие стандарты послужили ориентиром для локальных систем прав человека в разных регионах планеты.

Процесс претворения правозащитных идеалов нелинейный, по-разному проходит в разных обществах, приводит к противоречивым результатам, но неотступно динамичен и целенаправлен. Связь международных норм о правах человека с европейской интеллектуальной традицией не исключает их адаптации к потребностям отдельных обществ и культур и не противоречит их претензии на универсальность.

Целесообразно сперва обратиться к истокам доктрины прав человека, воплощенной в современных правозащитных стандартах. Такая концепция прав человека берет начало в идеях эпохи европейского Ренессанса и Просвещения и прочно связана с зарождением государства, разложением феодализма и формированием капиталистического уклада. Трагедии первой половины XX в., вызванные событиями на Европейском континенте, обусловили нормативное воплощение правозащитных идей на универсальном уровне. Стало такое возможным и благодаря новым качествам международно-правовой системы, проявившимся во второй

половине XX в. Став частью международно-правовой практики, идеалы прав человека послужили в свою очередь важным фактором изменений в международном праве — прежде межгосударственном по природе. В результате проблема универсальности прав человека стала частью более широкой проблемы — универсального международного права вообще. Несмотря на противоречия, большинство государств демонстрируют готовность работать с международными правозащитными стандартами, а исторический опыт стран с непростым правозащитным опытом подтверждает универсалистский потенциал таких стандартов. Проблема же релятивизма обусловлена в основном отсутствием политической воли или дефицита общественной дискуссии о содержании и пределах прав человека.

В любом случае универсальность прав человека — это скорее не эмпирический факт, а нормативное притязание, диктующее направление развития национальных обществ и международного сообщества. Обретя характер дискурсивной формы, универсальные права человека (возможно, поспешно) вышли за антропоцентричные рамки и сегодня служат инструментом для защиты не-человеческих живых существ¹.

1. Рождение европейской идеи прав человека

Современная международно-правовая концепция прав человека берет начало с либерально-гуманистических идей эпохи Просвещения, хотя предпосылки модернистской правозащитной доктрины заложены мыслителями европейского Ренессанса [Толстых В.Л., 2016: 48]; [Haas M., 2014: 26–30]; [Koskeniemi M., 2018: 41–42]; [Shelton D., 2013: 2]. На XIV–XVI вв. пришлось также формирование современного государства [Cassese A., 2014: 50] на фоне перехода от феодального устройства к капиталистической системе.

Разложение феодализма, становление модернистского государства и формулирование правозащитной идеи — взаимозависимые процессы. Зарождение современного государства связано с эмансипацией человека в его отношениях с личной властью феодала (князя, императора) и вездесущим влиянием церкви. Государство, монополизируя насилие, избавляло вассала от произвола сюзерена, упорядочивало разрешение межличностных конфликтов [Russell F., 1975: 44–45] и, секуляризируя управления, рационализировало общественное устройство. Как отме-

¹ Не-человеческие живые существа — живые существа, не относящиеся к человеку: флора, фауна, природа в целом; использование термина «нечеловеческие» (слитно, а не через дефис) не позволяет исключить неуместные в этом случае оценочные коннотации.

чал В. Грэвэ, впредь «человек — исходный пункт любых правовых действий» [Grewe W., 2000: 167, 168].

К такому антропоцентризму подталкивала и капиталистическая модель хозяйствования, построенная на частной инициативе, свободном рынке и получении прибыли, в первую очередь частной. Рожденное разложением феодализма государство с необходимостью производило капиталистическую модель через ориентацию управленческого аппарата на эффективность, установление публичных монополий, создание и защиту государственных границ, формирование налоговой системы и утверждение гражданства как устойчивой связи человека с политией (вместо прежнего подчинения личности общине).

В этих условиях права человека рождаются как дискурсивный инструмент построения и структурирования отношений человека и государства или человека и государственно организованного общества. Наделенный суверенитетом Левиафан «легитимировал» свою новоявленную власть над людьми через язык безопасности, предполагающей противодействие угрозам жизни и здоровью гражданина. Этот общественный институт (государство) впредь — в оплату своего положения *legibus solutus* берет на себя ответственность за безопасность общества от рисков, чаще всего им же генерируемых [Koskenniemi M., 2011: 63–64]. Права человека оформляют такие отношения и определяют, что человеку можно (свободы), и что за такую свободу он должен заплатить (через ограничение прав и установление обязанностей человека).

Хотя было еще далеко до прямого противопоставления человека и государства — это стало решением второй половины XX в. под влиянием бедствий мировых войн и тоталитарных диктатур. Прежде же, права человека обрисовывали схему взаимовыгодного добровольного сотрудничества граждан и государства: они жертвовали частью свободы ради собственной безопасности, обеспечиваемой государственной машиной [Гоббс Т., 1991: 133]; [Локк Дж., 1988: 311, 334, 363]. Причем такое взаимодействие не во всем предполагало полное подчинение суверену — долгие столетия право на восстание (*right to rebellion*; *right to resist*) считалось неотъемлемой гарантией стабильности от злоупотреблений со стороны власти [Koskenniemi M., 2021: 60, 219, 271, 321, 343, 474].

Горизонтальный характер взаимодействия индивида и государства, в котором права человека выступали одним из средств такого диалога, выражен в теориях общественного договора. По замечанию В.Л. Толстых, «все три основные версии данной концепции [Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо] исходят из того, что в естественном состоянии люди имели неограниченные права (естественную свободу), от которых при создании государства они добровольно отказались в интересах безопас-

ности» [Толстых В.Л., 2017: 11]. Отсюда исторически первыми на политическую авансцену вышли конституционные права, описывающие взаимодействия власти и человека и обеспечивающие участие последнего в управлении политически организованным обществом [Haas M., 2014: 6]. Причем такие гражданские свободы служили не столько индивидуальной пользе, сколько общим целям социального мира и публичного благополучия — *salus civitatis*². Историко-политические события на Европейском континенте и в Северной Америке придали философии прав человека практические очертания.

Другой важный фактор становления идеи прав человека — идеология христианства. Воля как предпосылка греховности человека и его ответственности перед Богом определяла агентность личности — способность действовать по своему усмотрению и в соответствии со своими интересами [Арановский К.В., Князев С.Д., 2016: 35–40]. Реформация избавила человека в его общении с Абсолютом от посредника в лице церкви, а «Возрождение связало богоподобие человека и вездесущность Бога» в идее человеческого достоинства [Толстых В.Л., 2016: 51–53]. В свою очередь, гуманизм Просвещения возвел человека на Олимп, обозначив его совершенство в прирожденном разуме и неотделимой свободе [Braidotti R., 2013: 13–14].

В XIX–начале XX вв. доктрина прав человека развивалась в условиях критики *ius naturale* при господстве юспозитивизма [Hall S., 2001: 277–279]³, германской исторической школы права, наследовавшей идеям Гегеля, а чуть позже — идей французских солидаристов [Portmann R., 2010: 59–60, 128–131] и конкуренции правого и левого коллективизма с индивидуалистскими направлениями [Хикс С., 2022: 140, 167]. Однако точками референции в дискуссии оставались понятия о месте человека в обществе, о роли государства и степени зависимости от него человека, границах человеческой свободы и допустимых пределах государственного вмешательства в нее, источниках субъективных прав.

² Например, Г. Гроций определял субъективное право — *ius* — как «моральное качество, присущее человеку, позволяющее ему обладать чем бы то ни было или совершать какие бы то ни было действия по справедливости». Гроцианские *facultas* и *aptitudo* (как разновидности *ius*) не столько давали возможность индивидуального действия, сколько описывали встроенность человека в социальную структуру (через имманентную склонность каждого к общественной жизни — *appetitus societatis*). В такой схеме субъективные права защищались через частную или публичную войну по четырем справедливым основаниям: защита личности, собственности, наказание зла и обеспечение исполнения принятого обязательства [Koskenniemi M., 2018: 46–48]; [Koskenniemi M., 2021: 301–302, 307].

³ И. Бентам писал: «Естественные права и неотъемлемые права суть риторическая чепуха; и притом чепуха вопиющая» [Bentham J., 1943: 501].

По происхождению доктрина прав человека связана с европейской интеллектуальной традицией. И сегодня она остается такой в своих основаниях и базовых положениях. Исторически не только европейская мысль, но и события на европейском континенте служили движущей силой развития этой доктрины. Те же факторы оказали решающее влияние на происхождение и развитие международного права в целом. Такова историческая данность, хотя с сегодняшних позиций очевидна несправедливость порядков прошлого. Однако такие идеологические искажения в основании и злоупотребления прошлого не предопределяют порочности доктрины о правах человека, взятой в ее динамике и пространственной экспансии, и не девальвируют с неизбежностью ее претензию на универсальность.

2. Нормативная универсализация европейской идеи

Вопрос об универсальности прав человека оказался связан с их утверждением в качестве нормативной реальности, когда уровень межгосударственного сотрудничества и международного права сделал возможным формулирование прав человека и их защиту международно-правовыми средствами. Такая возможность появилась не ранее середины XX в.

В числе первых нормативных документов в области правозащиты — конвенции по гуманитарному праву второй половины XIX в. Однако они касались не общих прав человека, а только защиты интересов участников и жертв вооруженного конфликта; кроме того, такие конвенции и развивающее их обычное право устанавливали лишь межгосударственные обязательства и организовывали отношения между сторонами вооруженного конфликта. Из зарождающегося гуманитарного права не вытекали индивидуальные притязания, обеспеченные международно-правовыми средствами защиты [Peters A., 2016: 194]. Таким международное гуманитарное право в своей логике применения остается и сегодня⁴.

Тем не менее оговорка Мартенса, сформулированная на Брюссельской конференции 1874 г. и закрепленная во второй Гаагской конвенции 1899 г., допускала существование некоторых моральных ценностей, разделяемых по меньшей мере «цивилизованными» нациями⁵. Клаузула от-

⁴ См., например, об отсутствии по международному гуманитарному праву прямого права у жертв военных преступлений на индивидуальную компенсацию: ICJ. Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy; Greece intervening). Judgment. 3 February 2012, para 26, 93. Available at: URL: <https://www.icj-cij.org/case/143> (дата обращения: 30.01.2024)

⁵ См.: Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., преамбула. Об актуальном понимании концепции цивилизованных наций см. материалы Комиссии международного права по общим принципам права: International Law Commission.

сылала к «началам международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» в целях защиты «населения и воюющих» [Тайсхерт Р., 1997: 7].

По итогам Первой Мировой войны были заключены соглашения о защите национальных меньшинств Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии и Греции. В рамках Лиги Наций создан отдельный комитет, уполномоченный рассматривать индивидуальные петиции. Тем не менее существенной роли этот механизм не сыграл, да речь и не шла об универсальных правозащитных стандартах [Parlette K., 2011: 285]⁶. Такие механизмы решали преимущественно две задачи: организации поствоенного мироустройства и предупреждение национальных конфликтов на фоне притеснения коренного населения переданных территорий; организации межгосударственного сотрудничества по указанным направлениям. Те же выводы применимы и к появившейся тогда системы мандатов [Wright Q., 1930: 203] и защиты прав беженцев [Hathaway J., 2005: 83–87]. Первой международной структурой, ориентированной на защиту прав человека на универсальном уровне, стала Международная организация труда, учрежденная в 1919 г. Однако и ее система изначально строилась на межгосударственных обязательствах, требующих имплементации на внутригосударственном уровне, без права частных лиц на индивидуальную петицию [Jenks W., 1960: 16–22].

Вехой в правозащитной доктрине стала трагедия Второй Мировой войны и создание глобальной структуры — Организации Объединенных Наций. Однако эти события не были переломными с точки зрения развития понятий о правах человека: многие идеи, воплотившиеся в правозащитной системе ООН, выкристаллизовывались уже в начале XX в. и во многом стали мейнстримом еще в 1919–1939 гг. Ревизионистские настроения в международно-правовой доктрине в ответ на засилье юспозитивизма проявились на общем фоне конкуренции коллективистских и индивидуалистских идей в социальных науках, культуре и политике⁷. О необходимости защиты отдельного человека от бю-

First report on general principles of law by M. Vázquez-Bermúdez, Special Rapporteur. 2019. A/CN.4/732, pp. 52–56.

⁶ К. Парлетт подсчитала, что с 1929 по 1939 гг. Комитет по меньшинствам Лиги Наций, учрежденный для контроля за исполнением указанных договоров, получил 642 петиции от индивидуальных заявителей, из которых 60% были рассмотрены. Однако материалы таких рассмотрений не сохранились. Да и сама система с выходом Германии из Лиги была свернута

⁷ О развитии правового позитивизма (в первую очередь, через внесение в него элементов социологической школы) см.: Oppenheim L, 1921: 58–63]; [Anzilotti D., 1929: 47]; [Cavaglieri A., 1929: 318–319.

рокрации и агрессивных масс писали международники Дж. Брайерли, Н. Политис, Ж. Спиропулос, А. Альварез, Г. Крабб, Ж. Ссель, Г. Кельзен [Nijman J., 2004: 122–130]. Эмансипация человека виделась в «реабилитации» международного права и его освобождении от мифологизированной и сакрализованной субъектности государства [Brierly J., 1958: 68]. Ж. Спиропулос писал: «С тех пор, как догма абсолютного суверенитета опровергнута, государство лишено всякой мистической субъектности и стало очевидно, что государство не вещь в себе, а лишь средство для удовлетворения потребностей отдельных людей, мы вспомнили, что всякое право, а потому и международное право, существует исключительно для защиты человека» [Spiropoulos J., 1929: 195].

Вторая мировая война и бедствия, принесенные народам тоталитарными режимами, оправдали опасения идеалистов-ревизионистов. Ницшеанское «Бог умер... И мы его убили» обрело зловеще актуальное звучание. Порожденному таким разочарованием правовому реализму предстояло доказать свою состоятельность в конкуренции с идеями естественного права, переживавшего тогда ренессанс⁸. Как отметил К. Иглтон в 1947 г.: «Международное право сегодня переживает критически важный момент и его кризис касается каждого отдельного человека» [Eagleton C., 1947: 437]. Между условными реалистами и идеалистами того времени сформировался консенсус — человек нуждается в защите от повторения трагедий первой половины XX в.

Таким образом, правозащитная идея утвердилась уже к середине 1940-х гг., явившись результатом исторических процессов и осмысления военного и тоталитарного опыта. Идеи либерального индивидуализма конкурировали с левым коллективизмом и напиранием правовым реализмом. Успех каждого из направлений был переменным и неочевидным. Правозащитные идеи ООН в своих основаниях были продуктом компромисса таких противоречивых интеллектуальных течений и внутригосударственных практик.

Свидетельством такого переменного успеха и уступок стал Устав ООН. И хотя в Уставе права человека упоминаются семь раз, вопреки чаяниям романтиков в документе отсутствует перечень прав человека, да и базовое обязательство в этой области сформулировано не в терминах защиты, соблюдения и обеспечения, а «международн[ого] сотрудничества[a]... в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам» (ст. 1.3 Устава ООН)⁹.

⁸ О правовом реализме см., напр.: [Kennedy D., 1988: 1–47].

⁹ Права человека упоминаются в следующих фрагментах Устава: Преамбула, ст. 1 (цели ООН), 8 (равенство мужчин и женщин), ст. 13 (полномочия Генеральной Ассамб-

Отложенная задача формулирования универсального международного договора о правах человека была поручена учрежденной в 1946 г. при ЭКОСОС ООН Комиссии по правам человека, составленной из представителей не только западноевропейской либеральной традиции (Австралия, Бельгия, Франция, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты), но и СССР (в том числе дополнительно Белорусской и Украинской республик), Чили, Китая, Египта, Индии, Ирана, Ливана, Панамы, Филиппин, Уругвая и Венесуэлы. Тогда же при работе над проектом Всеобщей декларации прав человека обозначились разногласия не только между условным западным и незападным блоками, но и внутри этих групп¹⁰. Разработка текста велась в дискуссии с участием национальных правительств, а составителями текста с разной степенью участия стали вдова американского президента Э. Рузвельт, индийская правозащитница Х. Мета, ливанец Ч. Малик, чилиец Х. Санта, китаец Пенг-чун Чанг, французский юрист Р. Кассен, канадец Дж. Хампфри. Можно спорить о глубине влияния каждого из них на итог работы Комиссии, однако очевиден факт — положения Всеобщей декларации явились результатом работы последователей различных культур и правовых традиций.

Именно по настоянию государств социалистического блока в Декларации появились ст. 22–27, гарантирующие социальные, экономические и культурные права [Humphrey J., 1984: 72–73]. Претензия на универсальность правозащитных стандартов отражена в ст. 28: «Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены». Глобальный Юг и Китай добились включения в итоговой текст упоминания обязанностей человека перед обществом, «в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности» (ст. 29) [Humphrey J., 1984: 72–73].

Показательны результаты голосования о Всеобщей декларации прав человека 10.12.1948 в Генеральной Ассамблее ООН. Ни один из 58 тогдашних членов Организации не решился проголосовать против: 48 государств поддержали резолюцию при 8 воздержавшихся и двух (Гондурас и Йемен) не принявших участие в голосовании. Среди воздержавшихся — государства социалистического блока, не столько возражавшие (по крайней мере открыто) против содержащихся в Декларации положений, сколько настаивавшие на не указанных в ней праве на самоопределение

леи ООН), ст. 55 (экономическое и социальное сотрудничество), 62 и 68 (полномочия Экономического и социального совета ООН), ст. 76 (система опеки ООН).

¹⁰ См.: Nowak M. Universal Declaration of Human Rights. Elgar Encyclopedia of Human Rights. 2022. Available at: URL: <https://www.elgaronline.com/display/book/9781789903621/9781789903621.xml> (дата обращения: 30.01.2024)

(в результате его закрепили позже — в обоих международных пактах по правам человека 1966 г.) и на защите национальных меньшинств¹¹.

Претензии Всеобщей декларации на универсальность подкрепляют четыре базовых правозащитных документа, принятых на региональном уровне, в преамбулах закрепляющих приверженность идеям Декларации (Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Американская конвенция о правах человека 1969 г., Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. и Арабская хартия о правах человека 2004 г.¹².

Противоречия в понимании прав человека проявились в дальнейшей работе ООН в сфере нормативного закрепления стандартов: в разделении международных пактов о правах человека 1966 г. на два отдельных документа, в промедлении их вступления в силу. Все же оценка Международного билля о правах человека в качестве документа, огульно отражающего «западные либеральные ценности индивидуализма» и игнорирующего взгляды незападных обществ, — недобросовестное упрощение¹³.

¹¹ См.: Green C. 70 Years of Impact: Insights on the Universal Declaration of Human Rights / UN Foundation. 5.12. 2018. Available at: URL: <https://unfoundation.org/blog/post/70-years-of-impact-insights-on-the-universal-declaration-of-human-rights/> (дата обращения: 30.01.2024). Результаты голосования на заседании Генеральной Ассамблеи ожидаемы. Приблизительно такую же поддержку проект Всеобщей декларации прав человека получил в Комиссии по правам человека (12 — за, 4 — воздержавшихся) и в III комитете Генеральной Ассамблеи (29 — за, 7 — воздержавшихся). Во всех случаях проект принят без возражений. См.: Commission on Human Rights. Third Session. Summary Record of the Eighty-first Meeting. 18 June 1948. Available at: URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/GL9/903/17/PDF/GL990317.pdf?OpenElement> (дата обращения: 30.01.2024)

¹² Скептически описывает историю Всеобщей декларации прав человека А.С. Исполинов. Цитируемое А.С. Исполиновым мнение Х. Лаутерпахта: «декларация не является сама по себе великим достижением», важно оценивать с позиций либеральных взглядов Лаутерпахта — одного из самых последовательных сторонников субъектности человека в международном праве и антиэтатистов и его очевидного разочарования в рекомендательном характере Декларации вопреки ожиданиям юридически обязательного документа. Широкую поддержку Декларации на голосовании в Генеральной Ассамблее ООН А.С. Исполинов неоправданно связал лишь с ее юридической необязательностью [Исполинов А.С., 2018; 100–101]: однако практика определенно свидетельствует о готовности государств даже в таких случаях голосовать против документа, содержание которого расходится с их интересами (см., например, распределение голосов по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН об отмене смертной казни).

¹³ За пределами предмета настоящего исследования остается вопрос о природе и содержании «международных стандартов прав человека» и характере вытекающих из них межгосударственных обязательств. Здесь международные стандарты по меньшей мере включают установления указанного Международного билля о правах человека в трактовке универсальных правозащитных органов ООН (например, комитетов по правам человека). Универсальность стандартов предполагает их юридическую обязательность на общей, общечеловеческой ценностной основе (ценностей международного сообще-

3. Международное право и права человека

Права человека в нормативном воплощении стали возможны на определенном этапе развития международного права — во второй половине XX в. В то же время и международное право под влиянием правозащитной идеи претерпевало коренные метаморфозы, продолжающиеся и сегодня.

Прежде международное право Вестфалья сводилось к системе, создаваемой государствами для регулирования их отношений [Hall S., 2001: 274–276, 279–284]; [Portmann R., 2010: 57–62]¹⁴. Во второй половине XIX в. международное право обратилось к человеку. Хотя применительно к первым конвенциям о защите жертв вооруженных конфликтов рано говорить о международных индивидуальных правах, было значимо признание необходимости ограничения государств в их отношениях с человеком на основании претендующих на универсальность правил. Последующая практика в части регулирования статуса иностранцев и меньшинств наметила неуклонный тренд на сужение *domaine réservé* [Jouzier B., 2020: 75]. Отсылка в Статуте Лиги Наций к вопросам, составляющим предмет международной озабоченности или озабоченности всей Лиги, только усилило понимание того, что есть вопросы, требующие согласованных действий государств на основе общих решений (ст. 11 и 23 Статута).

Значительный вклад в интрузивное (связанное с вмешательством в национальный правопорядок) понимание международно-правового регулирования внес Международный военный трибунал в Нюрнберге (далее — МВТ), особенно в части приговора по преступлениям против человечности. Криминализация преступлений государства против собственного народа бесповоротно разрушила герметичность национального правопорядка: «жестокости, совершенные в отношении гражданского населения» влекут индивидуальную ответственность вне зависимости от положений внутреннего права (ст. 6 «с» Устава МВТ). Англоязычный эквивалент таких «жестокостей» — *«inhumane acts»* четко выражает преступность посягательства на презюмируемые в своей универсальности общечеловеческие ценности¹⁵.

ства). Источники обязательств государств в таком случае — не только международные договоры, но и международный обычай и общие принципы права (ст. 38 Статута Международного Суда).

¹⁴ У истоков международно-правового позитивизма (его консенсуалистского извода) стояли Э. де Ваттель, Г. Трипель и Г. Еллинек [Portmann R., 2010: 35–43].

¹⁵ Версальский договор 1919 г., предусматривавший учреждение международного суда над Вильгельмом II, вменял императору «высшее оскорбление *международной мо-*

Комиссия международного права (далее — КМП), в 2014–2019 гг. исследовавшая преступления против человечности, также связала их интернационализацию с посягательством на общечеловеческие, универсальные ценности. В первом докладе Ш. Мерфи указывал: «[П]реступление [против человечности] настолько отвратительно, что оно рассматривается как посягательство на само качество быть человеком», и направлено «не только против прямых жертв, но и против всего человечества, а потому и против всего сообщества людей»¹⁶.

Международное право к моменту создания ООН вплотную подошло к своему правозащитному этапу эволюции. Идея прав человека, в свою очередь, также определила ход международно-правового развития. На уровне позитивного конституционного и международного права утвердился принцип уважения прав человека, диктующий характер взаимоотношений человека и общества, человека и государства. Первоочередная цель — ограничить действия государственной власти и защитить человека от главной угрозы в лице государства [Cogan J., 2021: 333]. Как отмечал У. Райзман, признание прав человека «сместило ценностный фокус системы с защиты суверенитета на защиту людей» [Reisman W., 1990: 866, 872].

рали и священной силы договоров» [Верле Г., 2011: 6–8]. На Нюрнбергском процессе обвинитель от Соединенного Королевства Х. Шоукросс, обосновывая криминализацию преступлений против человечности вне зависимости от правомерности поведения по национальному праву, ссылаясь на «основы цивилизованного порядка» (*canons of the civilized procedure*), интересы цивилизации (*interests of civilization*) и международного сообщества: «Существуют границы всевластия государства, и человек — конечная цель правопорядка — не лишен защиты со стороны человечества, когда государство попирает его права возмущающим сознание человечества способом». См.: The Charter and Judgment of the Nürnberg Tribunal. History and Analysis: Memorandum submitted by the Secretary-General // International Law Commission. A/CN.4/5. 1949. P. 71. В итоговых материалах Комиссии международного права по Нюрнбергским принципам отмечалось: «Это — попытка гарантировать минимум фундаментальных прав каждого человека. Такие [преступления], таким образом, вызывают международную озабоченность» (курсив везде мой. — М.Л.). Ibid. P. 72. Статут Международного уголовного суда (1998) фундирует идею международного преступления в «общих узлах», объединяющих народы, «взаимопереплетении культур», образующих «совместное наследие» при ценности сохранения их «хрупкой мозаики», в «совести человечества», «озабоченности всего международного сообщества» (обратите внимание: нет типичного указания на «сообщество государств»; ср. ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.). См.: Преамбулу к Римскому статуту.

¹⁶ См.: Crimes against Humanity. International Law Commission. First report on crimes against humanity, by Mr. Sean D. Murphy, Special Rapporteur. 2015. A/CN.4/680. Para 27. В цитируемом там же приговоре Международного трибунала по бывшей Югославии такие преступления охарактеризованы как «посягательства на идею человечности как таковую». См. также: ICTY. Appeals Chamber. Prosecutor v. Erdemović. Case No. IT-96-22-A. Judgment of 7 October 1997. Para 21.

На вторую половину XX в. пришлось переосмысление суверенитета. М. Коскенниemi пишет о его редуцировании — функциональном сведении к необходимым целям, вне которых суверенитет «не имеет ценностного значения» (*intrinsic sense*)¹⁷. В таком случае эффективность и ценность суверенитета государства рассматривается через призму «удовлетворения чаяний, желаний и предпочтений людей» — их права жить счастливо [Koskenniemi M., 2011: 64–66].

В таком понимании государство, будучи «самым серьезным нарушителем конституционных прав», выступает в качестве носителя обязательств (*obligor*) в международном праве прав человека [Bassiouni M., 1982: 193–194]. В этом состоит одно из объяснений, почему универсальные правозащитные документы формулируют обязательства государства, игнорируя обязанности человека¹⁸. Парадоксально, что, рассматривая государство как главную угрозу правам человека, создатели правозащитных механизмов одновременно возлагали на него главную ответственность в такой защите [Cogan J., 2021: 336–337, 342–344]. В.Л. Толстых замечает: «Еще одним следствием экспансии прав человека является расширение пределов государственной компетенции и оснований обращения к насилию: так права человека неожиданно становятся проводником тоталитаризма» [Толстых В.Л., 2016: 56–57].

Во второй половине XX в. права человека вышли за рамки отдельной, пусть и важной предметной сферы межгосударственного сотрудничества, став дискурсивным средством, пригодным для применения и необходимым в любой международно-правовой области. Сегодня права человека — это элемент глобальной повестки в сфере безопасности¹⁹,

¹⁷ М. Коскенниemi начинает свой анализ с категорического высказывания: «Мы более не видим в суверенитете никакой магии» [Koskenniemi M., 2011: 64].

¹⁸ В таком понимании ключевой риск, скрытый за риторикой обязанностей человека — установление априорных условий обладания правами, когда права человека нужно «заслужить». Один из авторов Декларации при обсуждении ее проекта ливанец Ч. Малик указывал: «Мир столкнулся с угрозами этатизма, государство определяет все отношения и идеи, подавляя иные источники мнений. Государство настаивало на индивидуальных обязанностях и долге... Это представляло огромную опасность, поскольку человек — не раб государству и не существует, чтоб лишь ему служить» [Morsink J., 1999: 242].

¹⁹ См., напр.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс; концепцию *Responsibility to Protect* (UN Secretary-General. Annual Report. 20.09.1999. SG/SM/7136. GA/9596); практику Совета Безопасности ООН по включению в «угрозы миру и его нарушения» «массовое нарушение прав человека» (см.: Pellet A., Miron A. Sanctions. Max Planck Encyclopedia of Public International Law. 2013. Available at: URL: <https://opil.ouplaw.com/home/mpi> (дата обращения: 30.01.2024)); концепцию гуманитарной интервенции (так, Великобритания — последовательный сторонник этой концепции): Syria action. United Kingdom government legal position. 14.04.2018. Available at: URL: <https://www.gov>.

фактор благоприятной окружающей среды и борьбы с экологическим кризисом (через экологические права и экологизацию общепризнанных прав человека), направление региональной интеграции, цель и инструмент международного уголовного правосудия (три из четырех международных преступлений связаны с нарушением прав человека), непререкаемый пункт межгосударственного политического диалога²⁰. Правозащитная идея послужила драйвером развития концепций *jus cogens*²¹ и *erga omnes*²², основанных на признании универсальных ценностей и общечеловеческой морали. Экспансия правозащитной риторики лежит в основании идей международно-правовой эмансипации человека [Hafner G., 2011: 437–441], индивидуализации международного права [Peters A., 2016: 1–10], глобального права [Domingo R., 2010: 133] и права человечества и человечности [Teitel R., 2011: 31]; [Trindade A., 2005: 9].

Такая эволюция правозащитной идеи в форму общего международно-правового дискурса, ее инструментализация и генерализация как системы координат укрепляет ее встроенность в систему международного права и в то же время сама по себе служит инструментом универсализации международного права как его морально-этический ориентир и ценностный базис.

4. Культурный релятивизм и права человека

Однако распространены мнения, локализирующие идею прав человека, отказывающие ей в универсальности ввиду разнообразия социокуль-

uk/government/publications/syria-action-uk-government-legal-position/syria-action-uk-government-legal-position) (дата обращения: 30.01.2024)

²⁰ Вокруг идеи защиты прав человека построены некоторые региональные межправительственные организации — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совет Европы.

²¹ Комиссия международного права признает естественно-правовые основания концепции *jus cogens* (не отметая при этом позитивистские): в числе ее элементов — универсальная применимость императивных норм общего международного права, признание их международным сообществом государств в целом и защита основополагающих ценностей международного сообщества. Последнее свойство докладчик КМП Д. Тлади раскрывает через отсылку к «сути цивилизованности» (*toutes d'essence civilisatrice*), «базовым соображениям человечности», «необходимым ценностям человечности», «элементарным принципам морали». International Law Commission. First report on *jus cogens* by Dire Tladi, Special Rapporteur. 2016. A/CN.4/693. Para 71–72.

²² Так, идея обязательств *erga omnes* артикулирована Международным Судом ООН в деле *Barcelona Traction* в связи с установлением оснований и пределов дипломатической защиты субъективных прав акционеров хозяйствующего общества. ICJ. *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain)*. Judgment. 5 1970. Available at: URL: <https://www.icj-cij.org/case/50> (дата обращения: 30.01.2024)

турного и политико-правового ландшафта [Raz J., 2010]. Настолько ли культурный релятивизм — значимое препятствие на пути универсализации прав человека?

Исторический опыт изобилует примерами признания и применения условно либеральных стандартов прав человека в незападных обществах. Афганистан 1960-х гг. при короле Мухаммеде Захир-шахе, вестернизация и деисламизация Ирана при шахе Мохаммеде Резе (1941–1979 гг.), горбачевские реформы в Советском Союзе 1980-х гг., события «арабской весны» 2011 г. — при всей их неоднозначности официальный дискурс выстраивался вокруг идей демократизации, прав человека и свободы при осязаемой (пусть и не безраздельной) популярности и общественной поддержке инициатив²³.

Вне зависимости от намерений участников процесса и их политических мотивов права человека в их либеральной интерпретации использовались и продолжают использоваться в качестве референтной точки для начала дискуссии или продвижения позиции. В 1975 г. Советский Союз подписал Хельсинский акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который содержал обязательства о защите прав человека²⁴. В 1985 г. ЦК КПСС по поручению М.С. Горбачева обсуждал «советскую концепцию прав человека»; даже предлагалось учредить Советский комитет по правам человека [Беленкин Б., 2023: 27]²⁵. Правозащитная риторика, как минимум *verbatim*, присутствует в деятельности большинства региональных организаций — Юго-Восточной Азии, арабского и исламского сотрудничества²⁶. Эти организации приняли правозащитные документы, прямо ссылающиеся на Международный билль о правах человека и воспроизводящие базовые универсальные документы. Незападные государства добиваются членства в Совете

²³ В числе других примеров — общественная кампания против запрета на вождение автомобиля женщинами в Саудовской Аравии в 2013–2018 гг., завершившаяся успехом; антиправительственные протесты в Иране в 2022–2023 гг., поводом для которых послужил инцидент, связанный с задержанием девушки за неправильное ношение хиджаба.

²⁴ У СССР отсутствовало намерение соблюдать правозащитный компонент Хельсинского акта, что не помешало развитию диссидентского движения и появлению республиканских и региональных так называемых «хельсинских» правозащитных групп.

²⁵ На предложение учредить правозащитный комитет секретарь ЦК КПСС Б. Пономарев возразил: «Как это так? В СССР комитет по правам? У нас что — права нарушаются? Нет, нет, я против» [Черняев А., 2008: 630].

²⁶ Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН): Декларация прав человека 2012 г. и Межправительственная комиссия АСЕАН по правам человека, учрежденная в 2009 г.; Организация исламского сотрудничества: Каирская декларация о правах человека в исламе 1990 г. и Независимая постоянная комиссия по правам человека, работающая с 2011 г.; Лига арабских государств: Арабская хартия прав человека 2004 г.

по правам человека ООН и критически подходят к его инициативам и резолюциям; демонстрируют готовность использовать универсальные правозащитные механизмы для продвижения своей повестки²⁷. Острую реакцию в академическом сообществе вызвало присоединение Катар в 2018 г. к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. со множеством оговорок²⁸.

Подготовленный читатель уверенно сможет противопоставить приведенным примерам немало случаев прямого пренебрежения международными правозащитными стандартами разными государствами. Однако здесь важно не единообразное добросовестное и уверенное следование либеральным идеалам, а готовность государств участвовать в диалоге, основанном на таких принципах, не отметая их категорически как несостоятельные или навязанные. На практике позиции государств, конечно, различаются в их понимании и готовности следовать международным правозащитным стандартам. Безраздельной поддержки таких стандартов нет и среди государств западного мира²⁹.

²⁷ Leach P. The Continuing Utility of International Human Rights Mechanisms? 01.11.2017. Available at: URL: <https://www.ejiltalk.org/the-continuing-utility-of-international-human-rights-mechanisms/> (дата обращения: 30.01.2024). См. также о применении Советом по правам человека «интерактивного диалога» в отношении проблемных стран: Human Rights Council. Available at: URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2022/03/human-rights-council-holds-interactive-dialogue-iran-and-starts-interactive> (дата обращения: 30.01.2024); а также: Из первых уст. РФ готовится к докладу в ООН о «прогрессе в защите прав человека» // Коммерсант. 09.02.2023. Available at: URL: https://www.kommersant.ru/doc/5812574?from=top_main_7 (дата обращения: 30.01.2024)

²⁸ Çali B. Qatar's Reservations to the ICCPR: Anything new under the VCLT Sun? 19.09.2019. Available at: URL: <https://www.ejiltalk.org/qatars-reservations-to-the-iccpr-anything-new-under-the-vclt-sun> (дата обращения: 30.01.2024). См. также о деле Катара против Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов в Комитете против расовой дискриминации: Eiken J., Keane D. Appointment of the Ad Hoc Conciliation Commissions under ICERD. 13 December 2021. Available at: URL: <https://www.ejiltalk.org/appointment-of-the-ad-hoc-conciliation-commissions-under-icerd/> (дата обращения: 30.01.2024); Палестины против Израиля: Eiken J., Keane D. New Rules of Procedure of the ad hoc Conciliation Commission in Palestine v Israel. 23 May 2022. Available at: <https://www.ejiltalk.org/new-rules-of-procedure-of-the-ad-hoc-conciliation-commission-in-palestine-v-israel/> (дата обращения: 30.01.2024)

²⁹ См., например, о Комиссии по неотъемлемым правам, созданной по инициативе президента Д. Трампа, итоговый доклад которой 2020 г. был критически встречен либеральной общественностью. Available at: URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/08/Report-of-the-Commission-on-Unalienable-Rights.pdf> (дата обращения: 30.01.2024); критику доклада см.: Trump Administration Commission on Unalienable Rights Politicises Human Rights for Hate. Available at: URL: <https://www.amnestyusa.org/press-releases/trump-administration-commission-on-unalienable-rights-politicizes-human-rights-for-hate/> (дата обращения: 30.01.2024). В январе 2022 г. правительство Соединенного Королевства предложило заменить Акт о правах человека 1988 г., имплементирующий Европейскую конвенцию о правах человека 1950 г., новым Биллем о правах. Среди

Потенциал универсальности прав человека зависит не столько от преодоления культурно-исторического и политико-правового плюрализма (который очевиден, неизбежен и глубок), сколько от успехов в выявлении и, скорее, формулировании общих оснований правозащитной идеи. На уровне обоснования (нормативного, идеологического, политического) такая универсальность зависит от эпистемологической доступности объясняющих подтверждений прав человека³⁰.

Остается открытым вопрос, насколько велики расхождения в понятиях о месте человека в обществе, оформляющих правозащитный дискурс. Немало полагающих, что суть концепции прав человека имманентно близка большинству известных религий и идеологий [Толстых В.Л., 2017: 10]; [Haas M., 2014: 15]. Сторонники универсальности прав человека оспаривают культурный релятивизм, ссылаясь на несколько эмпирических факторов: 1) ощущение неразрешимых разногласий в понимании прав человека зачастую замыкается на производных проблемах правозащиты: такие расхождения могут быть нейтрализованы смещением фокуса дискуссии к менее проблемным, этически острым аспектам (например, свободу слова можно обсуждать с позиций необходимости высказывания для поддержания необходимой политической дискуссии в логике «громче словесные споры — безопаснее на улицах», а можно сместить фокус на последствия непонимания или оскорбление чувствительных социальных групп и важности видимости всеобщего единения); 2) внешнее неприятие правозащитного дискурса зачастую обусловлено неблагоприятными социально-политическими или экономическими факторами, а не нетерпимостью к либеральным ценностям как таковым; в таких случаях корень проблемы кроется в неудачном контексте, а не в подходах к сути вопроса³¹.

Другая причина наблюдаемого релятивизма: права человека — инструмент политической риторики. Так, в энциклопедии Макса Планка

предложений: смещение акцента с прав человека на его ответственность; устранение угрозы публичным интересам чрезмерной экспансией прав человека; искоренение чрезмерного обращения к практике Европейского Суда по правам человека; продвижение британских традиций в области свободы и прав человека. См.: O'Cinneide C. Having its (Strasbourg) Cake, and Eating It // Voelkerrechtsblog. 26 January 2022. Available at: URL: <https://voelkerrechtsblog.org/having-its-strasbourg-cake-and-eating-it/> (дата обращения: 30.01.2024)

³⁰ Binderup L. Universalism and (Cultural) Relativism. Elgar Encyclopedia of Human Rights. 2022. Available at: URL: <https://www.elgaronline.com/display/book/9781789903621/9781789903621.xml> (дата обращения: 30.01.2024)

³¹ Binderup L. Universalism and (Cultural) Relativism. 2022. Available at: URL: <https://www.elgaronline.com/display/book/9781789903621/9781789903621.xml> (дата обращения: 30.01.2024)

сопоставлены права человека и индивидуальные права по международному праву вооруженных конфликтов: принципиальные отличия в их защите и соблюдении исключают их совмещение в рамках одного правового режима — в отличие от первых вторые требуют технического исполнения, исключающего политическую оценку³². Такая имманентная политизированность прав человека предопределяет их высокую гибкость и зависимость от места и времени, в которых встает вопрос об их защите. Отсюда и применяемые техники: баланс частного и публично-го интересов, баланс частных интересов, поле усмотрения государства (*margin of appreciation*), межгосударственный консенсус, эволютивное (динамичное) толкование, пропорциональность ограничения, субсидиарность [Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К., 2021: 8–27]; [Shany Y., 2018: 14–19].

Даже на уровне академических исследований, и уж тем более на практике правозащитный дискурс остается ценностно нагруженным и активистки заряженным. Уместно замечание А. де Бенуа: «Теоретически основанная на принципе терпимости идеология прав человека на деле является носителем наиболее оголтелой нетерпимости, наиболее абсолютного вызова. Декларации прав являются декларациями войны в той же мере, в какой и декларациями любви» [Бенуа А., 2009: 339]. Сторонники разных течений склонны к политически мотивированным и этически обусловленным спекуляциям, впадая в крайности в оценке универсальности стандартов прав человека или социокультурного релятивизма³³.

³² По такой же линии водораздел между правами человека (*human rights*) и индивидуальными правами (*individual rights*) по международному праву проводит А. Петерс, сопоставляя права человека *stricto sensu* с субъективными трудовыми правами и правами беженцев [Peters A., 2016: 456–457, 467–469].

³³ Такой заряд либеральной риторики связывают с основателем идеологии Дж. Локком — одним из первых перенесших принципы свободы из плоскости исследовательской в область государственного управления. Дж. Локк был вигом, ратовавшим за расширение власти парламента в противовес монархическому абсолютизму: «Целью закона является не уничтожение и не ограничение, а сохранение и расширение свободы» [Locke J., 1988: 306]. По мнению историка С. Пинкуса, придя к власти в Англии в конце XVII в., виги создали первое «активистское правительство», которое сознательно и последовательно пыталось реформировать не законы, а общество и считало себя агентом экономического и социального прогресса [Pincus S., 2009: 474–487]. Примечательно, что к недостижимости универсальности и необходимости формулирования национального (местного) подхода к правам человека склонны апеллировать режимы с сомнительным правозащитным наследием. Такая риторика редко связана с желанием расширить свободу человека и общества, а зачастую замыкается на консервативном, коллективистском или традиционалистском нарративе, в разных вариациях нередко предлагающих *Sonderweg* («Особый путь» — идеологема, объясняющая германский реформизм конца XIX в.) [Велижев М.Б., Атнашев Т.М., Зорин А.Л., 2018: 9–10].

Универсальность не призвана опровергнуть сомнительную эмпирическую посылку о непримиримых расхождениях в ценностях разных культур. Универсальность не дескриптивная характеристика, не эмпирический факт, а нормативное притязание (*normative claim*)³⁴. Именно потому Всеобщая декларация прав человека вслед за Уставом ООН утверждает «веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин» (курсив мой. — М.Л.). Правозащитный дискурс на нормативном уровне призван не отразить осязаемые наблюдения (*observe*), а обнаружить (*discover*) права человека в качестве эпистемологически доступных оправданий-объяснений³⁵. Правда, В.Л. Толстых в такой природе прав человека видит их порочную слабость: когда «через легализацию отклоняющихся форм поведения» обеспечивается «насыщение бытийного пространства», а ординарные решения, «[не расширяющие] горизонт [человека]», теряют интерес для активистов правозащиты [Толстых В.Л., 2016: 56], или же когда возможность пользования правами становится важнее, чем обладание благом, а правозащитный дискурс смещается в сторону иллюзорного планирования безотносительно действительного³⁶.

В качестве эпистемологически доступного основания международной концепции прав человека предложена идея человеческого достоинства (Преамбула и ст. 1 Всеобщей декларации). И хотя эта идея своими корнями уходит в античность, а взята на вооружение мыслителями эпохи Просвещения, она не без оснований претендует на универсальность и религиозную нейтральность [Толстых В.Л., 2016: 48–49]³⁷.

Идея человеческого достоинства — не только абстрактная ценность и идеал, на котором строится все правовое и к которому все правовое стремится, а конкретно-правовая категория, правоприменительный принцип. Достоинство человеческой личности не только неотчуждаемо от нее, но и конструирует человека как правовую реальность, фактор

³⁴ Таковую логику целей позитивного регулирования хорошо описывает кельзеновская оппозиция должного/сущего (*is/ought*), где право озабочено областью долженствования вне зависимости от реального состояния отношений [Kelsen H., 1929: 615, 617].

³⁵ Available at: URL: <https://www.elgaronline.com/display/book/9781789903621/9781789903621.xml> (дата обращения: 30.01.2024)

³⁶ В.Л. Толстых уточняет: «[ч]еловек [в таких ситуациях] является идеальной единицей представительной демократии, пунктом чистой референции, на который можно ссылаться для оправдания любой политической программы и который никогда не спросит, выполнено ли данное ему обещание, — просто потому, что единственное, что его интересует, — это обещания» [Толстых В.Л., 2016: 58].

³⁷ В античном Риме понятия о *dignitas* связывались с местом человека в социальной иерархии. Потому «степень достоинства» (*gradus dignitatis*) у разных категорий граждан (от обывателя до гражданина) различалась [Bauman R., 2003: 21–23].

его жизнедеятельности и даже существования. Достоинство личности устанавливает абсолютную и безусловную «ценность человеческого существования не абстрактно, а внутри правовой системы»³⁸.

Верховенство человеческого достоинства в качестве неотъемлемой и безусловной формулы ставит надежные препятствия на пути превращения человека в объект. В таком случае человек не может стать объектом даже собственных волюнтаристских манипуляций, направленных на подавление его достоинства. Провозглашенное в ст. 6 Всеобщей декларации прав человека право каждого на сохранение и защиту его правосубъектности исключает собственные действия индивида, лишаящие его своего самоопределения³⁹.

Заявленное в качестве источника нормативной (позитивистской) силы прав человека достоинство выходит за антропоцентричные, заданные гуманизмом Просвещения [Braidotti R., 2013: 13–15] рамки и предпосылает инструментализацию прав человека. Они генерализируются до универсальной эпистемологической оптики, используемой для выстраивания отношений не только в социуме, но и в континуумах природа — общество и человек — не-человеческие сущности. Такой подход основывается на презюмируемой универсальности прав человека, позволяющей применить ценности и логику доктрины к любым формам жизни. Тогда достоинство человека сменяется достоинством жизни как таковой, а «права человека» становятся доступными животным, рекам, лесам, природе вообще [Kaufman C., Martin P., 2018: 46–47]; [Jones E., 2021: 84–85, 87, 90].

Такая генерализация правозащитного дискурса и выведение его за рамки антропоцентризма — эпистемологический прыжок, когда проблема универсальности прав человека, будучи в реальности не закрытой, как минимум презюмируется в качестве решенной. «Доступ» к «правам человека» для не-человеческих живых сущностей основывается на иррелевантности (пусть и преждевременно заявляемой) проблемы доступа к правам человека для самих людей в логике — права человека аксиоматичны, так дадим же их всем остальным. Пусть и смелое, и поспешное допущение, но уж точно не бесполезное⁴⁰.

³⁸ Плотников Н.С. Достоинство как правовая категория // Постнаука. 2013. Available at: URL: <https://postnauka.ru/video/12371> (дата обращения: 30.01.2024)

³⁹ Показательна история с «метанием карликов» В 1980-х гг. в пабах Австралии было популярно в качестве «развлечения» бросать на дальность людей аномально низкого роста. Такая игра была запрещена местными судами, несмотря на возражения и игроков, и оказывавших услуги, по соображениям защиты человеческого достоинства, попирая которое не вправе даже по своей воле сам его носитель. Available at: URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/nitkina/2760801.html> (дата обращения: 30.01.2024)

⁴⁰ Мало ли других фикций в праве, куда более основательных и искажающих правовую картину реальности — например, правосубъектность государства [Barbara C., 2007: 23].

Заключение

Значение прав человека как дискурсивного средства выходит далеко за рамки ценностей либеральной демократии. Идея прав человека исторически утверждается в качестве инструмента организации государственного порядка и построения отношений между сувереном и его подданными. По мере изменения представлений о таких отношениях, менялись и взгляды на права человека, их природу. Неизменным остается роль прав человека как конститутивного, неотъемлемого элемента концепции современного государства и государственности (как минимум, в европейской интерпретации).

Такое же положение правозащитная идея снискала в сегодняшней теории международного права и его практике. Устав ООН — важный рубеж в этой сфере. Однако не учреждение всемирной организации и принятие Всеобщей декларации прав человека создали правозащитное измерение международного права. Гуманитарные идеи распространились в теории еще в на рубеже XIX–XX вв. в рамках критики правового позитивизма и на фоне призывов к пересмотру привилегированного положения государства в международно-правовой системе, а на практике — в рамках первых систем защиты национальных меньшинств, гарантий трудовых прав, защиты жертв войны и реализации индивидуальной уголовной ответственности по международному праву.

Международная концепция прав человека презюмирует существование общечеловеческих ценностей, а ссылки критиков и скептиков на релятивизм в большинстве служат аргументом в дискуссии о содержании таких ценностей в отдельном контексте, а не непреодолимым препятствием к диалогу. Тем временем идея прав человека уверенно выходит за рамки сугубо антропоцентричной сферы.

Вопрос об универсальности прав человека — частный случай проблемы универсальности международного права. Пресловутый «конец истории» Ф. Фукуямы, очевидно оказался преувеличением; глобальный консенсус в понимании прав человека едва ли достижим. Однако они давно вышли за пределы отдельной, пусть и важной области международного права, став эпистемологической оптикой (возможно, эпистемой по Фуко, используемой для анализа и конструирования всего международно-правового, да и внеправового — связанного с человеком и даже с природой).

Строгая локализация правозащитного дискурса сегодня, по меньшей мере, затруднительна — как по ценностным, так и по методологическим соображениям. Критика универсальности прав человека — это крити-

ка универсального международного права вообще. Насколько уместно последнее, настолько возможно и первое: международное право ругают за его недостаточную эффективность, однополярность, европоцентричность, ригидность, но едва кто-либо усомнится в его необходимости. Точно так же и с правами человека — других нет. И пока не предвидится.

Список источников

1. Арановский К.В., Князев С.Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. М.: Проспект, 2016. 208 с.
2. Беленкин Б. и др. Объект наблюдения: сборники документов. М.: АСТ, 2023. 640 с.
3. Бенуа А. де. Против либерализма: к Четвертой политической теории. СПб.: Амфора, 2009. 476 с.
4. Велижев М.Б., Атнашев Т.М., Зорин А.Л. «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 488 с.
5. Верле Г. Принципы международного уголовного права. М.: Транслит, 2011. 910 с.
6. Исполинов А.С. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (К 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4. С. 100–107.
7. Тайсхерст Р. Оговорка Мартенса и право вооруженных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 317. С. 7–15.
8. Толстых В.Л. Развитие идеи прав человека и ее критика // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 9–18.
9. Толстых В.Л. Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека // Правоведение. 2016. № 2. С. 48–61.
10. Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека. М.: Развитие правовых систем. 2021. 1432 с.
11. Хикс С. Объясняя постмодернизм. М.: РИПОЛ классик, 2022. 230 с.
12. Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. М.: РОССПЭН, 2008. 1047 с.
13. Anzilotti D. Cours de Droit International. Vol. I. Paris: Recueil Sirey, 1929. 534 p.
14. Barbara C. International Legal Personality: Panacea or Pandemonium? Theorizing About the Individual and the State in the Era of Globalization. Austrian Review of International and European Law, 2007, vol. 12, no. 17, pp. 17–57.
15. Bassiouni M. The Proscribing Function of International Criminal Law in the Processes of International Protection of Human Rights. Yale Journal World Public Order, 1982, vol. 9, issue 1, pp. 193–216.
16. Bauman R. Human Rights in Ancient Rome. London, New York: Routledge, 2003, 208 p.
17. Bentham J. Anarchical Fallacies. The Works of Jeremy Bentham. Vol. 2. Edinburg: William Tait, 1843, 600 p.
18. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013, 229 p.

19. Brierly J. The Shortcomings of International Law. In: The Basis of Obligation in International Law and other papers. Lauterpacht and Waldock (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1958, 375 p.
20. Cassese A. States: Rise and Decline of the Primary Subject of International Community. In: Oxford Handbook of the History of International Law. B. Fassbender, A. Peters (eds.). Oxford: University Press, 2014, 1280 p.
21. Cavaglieri A. Règles Générales du Droit de la Paix. Recueil des cours de l'académie de droit international, 1929, vol. 26, pp. 311–586.
22. Cogan J. Regulatory Turn in International Law. Harvard International Law Journal, 2021, vol. 52, no. 2, pp. 322–372.
23. Domingo R. The New Global Law. Cambridge: University Press, 2010, 201 p.
24. Eagleton C. The Task of the International Lawyer. American Journal of International Law, 1947, vol. 41, issue 2, pp. 435–439.
25. Foucault M. Power. In: Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. New York: Pantheon, 1980, 282 p.
26. Fukuyama F. The End of History? The National Interest, 1989, no. 16, pp. 3–18.
27. Grewe W. Epochs of International Law. Berlin: De Gruyter, 2000, 804 p.
28. Haas M. International Human Rights. A Comprehensive Introduction. London: Routledge, 2014, 663 p.
29. Hafner G. The Emancipation of the Individual from the State under International Law. Recueil des cours de l'académie de droit international, 2011, vol. 358, pp. 263–453.
30. Hall S. The Persistent Spectre: Natural Law, International Order and the Limits of Legal Positivism. European Journal of International Law, 2001, vol. 12, no. 2, pp. 269–307.
31. Hathaway J. The Rights of Refugees under International Law. Cambridge: University Press, 2005, 1184 p.
32. Humphrey J. Human Rights and the United Nations: A Great Adventure. Dobbs Ferry: Transnational Publishers, 1984, 350 p.
33. Jenks W. Human Rights and International Labor Standards. London: Stevens, 1960, 159 p.
34. Jones E. Posthuman international law and the rights of nature. Journal of Human Rights and the Environment, 2021, vol. 12, special issue, pp. 76–102.
35. Jouzier B. Déclin et persistance de la théorie du domaine réservé: le constat d'un rôle de «transition» du domaine reserve. Revue québécoise de droit international, 2020, vol. 33.2, pp. 53–75.
36. Kauffman C., Martin P. Constructing Rights of Nature Norms in the US, Ecuador, and New Zealand. Global Environmental Politics, 2018, vol. 18 (4), pp. 43–62.
37. Kelsen H. La Naissance de l'État et la Formation de sa Nationalité: Les Principes et leur Application au Cas de la Tchécoslovaquie. Revue de Droit International, 1929, no. 4, pp. 613–641.
38. Kelsen H. Théorie générale du droit international public. Problèmes choisis. Collected Courses of the Hague Academy of International Law, 1932, vol. 42, 655 p.
39. Kennedy D.A New Stream of International Law Scholarship. Wisconsin International Law Journal, 1988, vol. 7, no. 1, pp. 1–47.
40. Koskeniemi M. Rights, History, Critique. In: Human Rights: Moral or Political? A. Stinson (ed.). Oxford: University Press, 2018, 508 p.

41. Koskenniemi M. To the Uttermost Parts of the Earth. Legal Imagination and International Power, 1300–1870. Cambridge: University Press, 2021, 1107 p.
42. Koskenniemi M. What Use for Sovereignty Today? *Asian Journal of International Law*, 2011, no. 1, pp. 61–70.
43. Locke J. The Second Treatise of Government. Two Treatises of Government. P. Laslett (ed.). Cambridge: University Press, 1988, 464 p.
44. Morsink J. The Universal Declaration of Human Rights: Origins, Drafting, and Intent. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999, 396 p.
45. Nijman J. The Concept of International Legal Personality: an Inquiry into the History and Theory of International Law. The Hague: Asser Press, 2004, 494 p.
46. Oppenheim L. The Future of International Law. Oxford: Oxford University Press, 1921, 90 p.
47. Parlett K. The Individual in the International Legal System: Continuity and Change in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, 462 p.
48. Peters A. Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law. Cambridge: University Press, 2016, 602 p.
49. Pincus S. The First Modern Revolution. New Haven: Yale University Press, 2009, 647 p.
50. Portmann R. Legal Personality in International Law. Cambridge: University Press, 2010, 333 p.
51. Raz J. Human Rights without Foundations. In: The Philosophy of International Law. S. Besson, J. Tasioulas (eds.). Oxford: University Press, 2010, 626 p.
52. Reisman W. Sovereignty and Human Rights in Contemporary International Law. *American Journal of International Law*, 1990, vol. 84, no. 4, pp. 866–876.
53. Russell F. The Just War in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 1975, 332 p.
54. Shany Y. The Universality of Human Rights: Pragmatism Meets Idealism. Blaustein Institute for Advancement of Human Rights, 2018, 36 p.
55. Shelton D. Introduction. The Oxford Handbook of International Human Rights Law. D. Shelton (ed.). Oxford: University Press, 2013, 1088 p.
56. Spiropoulos J. L'Individu et le Droit International. *Recueil des cours de l'académie de droit international*, 1929, vol. 30, pp. 192–270.
57. Teitel R. Humanity's Law. Oxford: University Press, 2011, 320 p.
58. Trindade A. International Law for Humankind: Towards a New Jus Gentium. *Recueil des cours de l'académie de droit international*, 2005, vol. 316, 710 p.
59. Wright Q. Mandates under the League of Nations. Chicago: University of Chicago Press, 1930, 726 p.

References

1. Anzilotti D. (1929) *Cours de Droit International*. Paris: Recueil Sirey, 534 p.
2. Aranovskiy K.V., Knyazev S.D. (2016) The Rule of Law and State of Law in the Correlation of Signs and Meanings. Moscow: Prospekt, 208 p. (in Russ.)
3. Barbara C. (2007) International Legal Personality: Panacea or Pandemonium? Theorizing About the Individual and the State in the Era of Globalization. *Austrian Review of International and European Law*, vol. 12, no. 17, pp. 17–57.

4. Bassiouni M. (1982) The Proscribing Function of International Criminal Law in the Processes of International Protection of Human Rights. *Yale Journal World Public Order*, vol. 9, no. 1, pp. 193–216.
5. Bauman R. (2003) *Human Rights in Ancient Rome*. London: Routledge, 208 p.
6. Belenkin B. et al. (2023) The Object of Surveillance. KGB v. Sakharov: collection of documents. Moscow: AST, 640 p. (in Russ.)
7. Bentham J. (1843) Anarchical Fallacies. The Works of Jeremy Bentham. Vol. 2. Edinburg: William Tait, 600 p.
8. Benua A. de (2009) *Against Liberalism: the Fourth Political Theory*. Saint Petersburg: Amphora, 476 p. (in Russ.)
9. Braidotti R. (2013) *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press, 229 p.
10. Briery J. (1958) The Shortcomings of International Law. In: The Basis of Obligation in International Law and other papers. H. Lauterpacht (ed.). Oxford: Clarendon Press, 375 p.
11. Cassese A. (2014) States: Rise and Decline of the Primary Subject of International Community. In: The Oxford Handbook of the History of International Law. B. Fassbender, A. Peters (eds.). Oxford: University Press, 1280 p.
12. Cavaglieri A. (1929) Règles Générales du Droit de la Paix. *Recueil des cours de l'académie de droit international*, vol. 26, pp. 311–586.
13. Chernyaev A. (2008) Soviet Exile. Diary of the Two Epochs. 1972–1991. Moscow: ROSSPEN, 1047 p. (in Russ.)
14. Cogan J. (2021) Regulatory Turn in International Law. *Harvard International Law Journal*, vol. 52, no. 2, pp. 322–372.
15. Domingo R. (2010) *The New Global Law*. Cambridge: University Press, 201 p.
16. Eagleton C. (1947) The Task of the International Lawyer. *American Journal of International Law*, vol. 41, no. 2, pp. 435–439.
17. Foucault M. (1980) Power. Knowledge: Selected Interviews and other Writings 1972–1977. New York: Pantheon, 282 p.
18. Fukuyama F. (1989) The End of History? *The National Interest*, no. 16, pp. 3–18.
19. Grewe W. (2000) *The Epochs of International Law*. Berlin: De Gruyter, 804 p.
20. Haas M. (2014) International Human Rights. A Comprehensive Introduction. London: Routledge, 663 p.
21. Hafner G. (2011) The Emancipation of the Individual from the State under International Law. *Recueil des cours de l'académie de droit international*, vol. 358, pp. 263–453.
22. Hall S. (2001) The Persistent Spectre: Natural Law, International Order and the Limits of Legal Positivism. *European Journal of International Law*, vol. 12, no. 2, pp. 269–307.
23. Harris D., O'Boyle M., Warbrik K. (2021) Law of the European Convention on Human Rights. Moscow: Razvitie pravovykh system, 1432 p. (in Russ.)
24. Hathaway J. (2005) The Rights of Refugees under International Law. Cambridge: University Press, 1184 p.
25. Hicks S. (2022) *Explaining Postmodernism*. Moscow: RIPOL, 230 p. (in Russ.).
26. Humphrey J. (1984) *Human Rights and the United Nations: A Great Adventure*. Dobbs Ferry: Transnational Publishers, 350 p.

27. Ispolinov A.S. (2018) The Legal Status of the Universal Declaration of Human Rights (on the 70th anniversary of adoption). *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*=Comparative Constitutional Review, no. 4, pp. 100–107 (in Russ.)
28. Jenks W. (1960) *Human Rights and International Labor Standards*. London: Stevens, 159 p.
29. Jones E. (2021) Posthuman international law and the rights of nature. *Journal of Human Rights and the Environment*, vol. 12, special issue, pp. 76–102.
30. Jouzier B. (2020) Déclin et persistance de la théorie du domaine réservé: le constat d'un rôle de «transition» du domaine reserve. *Revue québécoise de droit international*, vol. 2, pp. 53–75.
31. Kauffman C., Martin P. (2018) Constructing Rights of Nature Norms in the US, Ecuador, and New Zealand. *Global Environmental Politics*, vol. 18, pp. 43–62.
32. Kelsen H. (1929) La Naissance de l'État et la Formation de sa Nationalité: Les Principes et leur Application au Cas de la Tchécoslovaquie. *Revue de Droit International*, no. 4, pp. 613–641.
33. Kelsen H. (1932) Théorie générale du droit international public. Problèmes choisis. *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 42, 655 p.
34. Kennedy D. (1988) A New Stream of International Law Scholarship. *Wisconsin International Law Journal*, vol. 7, no. 1, pp. 1–47.
35. Koskeniemi M. (2011) What Use for Sovereignty Today? *Asian Journal of International Law*, no. 1. pp. 61–70.
36. Koskeniemi M. (2018) Rights, History, Critique. In: Human Rights: Moral or Political? A. Stinson (ed.). Oxford: University Press, 508 p.
37. Koskeniemi M. (2021) *To the Uttermost Parts of the Earth. Legal Imagination and International Power, 1300-1870*. Cambridge: University Press, 1107 p.
38. Locke J. (1988) The Second Treatise of Government. Two Treatises of Government. P. Laslett (ed.). Cambridge: University Press, 464 p.
39. Morsink J. (1999) *The Universal Declaration of Human Rights: Origins, Drafting, and Intent*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 396 p.
40. Nijman J. (2004) *The Concept of International Legal Personality: an Inquiry into the History and Theory of International Law*. The Hague: Asser Press, 494 p.
41. Oppenheim L. (1921) *Future of International Law*. Oxford: University Press, 90 p.
42. Parlett K. (2011) *The Individual in the International Legal System: Continuity and Change in International Law*. Cambridge: University Press, 462 p.
43. Peters A. (2016) *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*. Cambridge: University Press, 602 p.
44. Pincus S. (2009) *The First Modern Revolution*. New Haven: Yale University Press, 647 p.
45. Portmann R. (2010) *Legal Personality in International Law*. Cambridge: University Press, 333 p.
46. Raz J. (2010) Human Rights without Foundations. In: The Philosophy of International Law. S. Besson, J. Tasioulas (eds.). Oxford: University Press, 626 p.
47. Reisman W. (1990) Sovereignty and Human Rights in Contemporary International Law. *American Journal of International Law*, vol. 84, no. 4, pp. 866–876.
48. Russell F. (1975) *The Just War in the Middle Ages*. Cambridge: University Press, 332 p.

49. Shany Y. (2018) *The Universality of Human Rights: Pragmatism Meets Idealism*. Omer: Blaustein Institute for Advancement of Human Rights, 36 p.
 50. Shelton D. (2013) Introduction. In: *The Oxford Handbook of International Human Rights Law*. D. Shelton (ed.). Oxford: University Press, 1088 p.
 51. Spiropoulos J. (1929) L'Individu et le Droit International. *Recueil des cours de l'académie de droit international*, vol. 30, pp. 192–270.
 52. Tayskherst R. (1997) Martens clause and Law of Armed Conflicts. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*=International Journal of the Red Cross, no. 317, pp. 7–15 (in Russ.)
 53. Teitel R. (2011) *Humanity's Law*. Oxford: Oxford University Press, 320 p.
 54. Tolstykh V.L. (2016) The Renaissance Notion of Dignity and its Influence on the Modern Doctrine of Human Rights. *Pravovedenie*=Jurisprudence, no. 2, pp. 48–61 (in Russ.)
 55. Tolstykh V.L. (2017) The Evolution of the Human Rights Idea. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*=Russian Juridical Journal, no. 3, pp. 9–18 (in Russ.)
 56. Trindade A. (2005) International Law for Humankind: Towards a New *Jus Gentium*. *Recueil des cours de l'académie de droit international*, vol. 316, 710 p.
 57. Velizhev M.B., Atnashev T.M., Zorin A.L. (2018) Special Path: from Ideology to Method. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 488 p. (in Russ.)
 58. Verle G. (2011) *Principals of International Criminal Law*. Moscow: Translit, 910 p. (in Russ.)
 59. Wright Q. (1930) *Mandates under the League of Nations*. Chicago: University of Chicago Press, 726 p.
-

Информация об авторе:

М.А. Лихачев — кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник.

Information about the author:

M.A. Likhachev — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Researcher.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 12.08.2023; принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted to editorial office 10.05.2023; approved after reviewing 12.08.2023; accepted for publication 10.12.2023.